

УДК 316.74

*Бадмацыренов Т.Б.
Badmatsyrenov T.B.*

Социальная структура буддийского сообщества: компоненты и их взаимодействия

**Social structure of Buddhist Community:
The Components and Their Interrrelations**

В данной статье предпринято исследование социальной структуры буддийских сообществ современной Бурятии, которые представляют собой социальные образования с весьма динамичными процессами структурирования и формирования новых групп. Взаимодействия индивидов, обладающих буддийской идентичностью, ориентированных на буддийские нормы и ценности, происходят преимущественно в системе ролей и статусов буддийских сообществ. Изучение их структуры позволит выявить основные закономерности их развития.

Ключевые слова: социология, буддизм, социология буддизма, буддология, Бурятия, буддизм России

This paper is devoted to the analysis of the social structure of Buddhist communities of contemporary Buryatia. They are characterized with dynamic processes of stucturization and new groups development. The interaction of individuals with Buddhist identity, oriented toward Buddhist norms and values, occurs primarily in the system of roles and statuses of Buddhist communities and the study of their structure will reveal the main patterns of their development.

Key words: *Sociology, Buddhism, Sociology of Buddhism, Buddhist Studies, Buryatia, Buddhism of Russia*

Буддийские сообщества современной Бурятии представляют собой неоднородные социальные образования, в которых происходят весьма динамичные процессы структурирования и формирования новых групп. Взаимодействия индивидов, обладающих буддийской идентичностью, ориентированных на буддийские нормы и ценности, происходят преимущественно в системе ролей и статусов буддийских сообществ. Они представляют собой социальные общности верующих, интегрированные ценностно-нормативными комплексами буддийской культуры в специфическую систему ролей и статусов, институционализированную в особых институтах религиозной общины монахов и мирян. Буддийская община характеризуется специфической устойчивой социальной религиозной организацией, в которой исторически сформировалось несколько

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-21-03004 «Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии»)

БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович, к.социол.н., доцент кафедры политологии и социологии, директор Центра социально-политических исследований «Альтернатива» Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). **E-mail:** batorovitch@mail.ru

ко иерархических систем [8, с. 339]. Цель данной статьи состоит в изучении связей между компонентами буддийских сообществ разных типов, развивающихся в современной Бурятии.

Социальная структура буддийских сообществ может быть описана через воздействие социальной структуры общества и её подсистем (политико-правовой, этносоциальной, социально-территориальной, социально-демографической) на развитие и функционирование интегративных компонентов «буддийских» комплексов социальных статусов-ролей. Другая группа факторов проявляется через нормативное институциональное воздействие социокультурных образцов, на основе которых происходит формирование реальных элементов социальной структуры буддийских общин, её нормативного ядра. Историко-культурные и доктринально-культурные факторы оказывают на развитие буддийских общин существенное воздействие, под их влиянием возникают общины разных типов и направлений, довольно сильно различающиеся в своих социальных практиках.

В буддийских сообществах вопрос о ценностном ядре и соответствующих идеях и действиях является важнейшим фактором построения их нормативных границ. И для центра, и для периферии этих сообществ вопрос о признаваемых стандартах является не схоластическим и теоретическим, а прямо направлен на определение жизненных социальных стратегий функционирования институтов авторитета, престижа и членства. Э. Шилз в работе «Центр и периферия» выделяет важную структурную характеристику социальных систем, выражающуюся во взаимодействии ядра системы и её частей [17, с. 3–16]. Более или менее организованные группы элит (индивидуальные акторы) принимают важные решения, касающиеся системы в целом. Данные решения направлены на общие коллективные цели, но важнейшей их интенцией выступает сохранение целостности социальной системы. Они соотносятся с центральной ценностной системой общества или иных социальных систем и содержат общие стандарты суждений и действий, а также общие признаваемые ценности. Культура выступает основой формирования мотивационной ориентации индивида, включая катектическую, когнитивную и оценочную ориентации, в рамках которых определяются образцы прав и обязанностей, альтернативы приемлемых стратегий действия и объекты, способные принести удовлетворение [9, с. 419]. Лидеры сообществ транслируют идеи о «буддийском» поведении и его стандартах, причём в публичном дискурсе часто происходит столкновение этих идей в виде трактовок и оценок действий священнослужителей и верующих. Одним из ключевых механизмов является воспроизводство школьного ценностно-нормативного стандарта, который кодифицируется в канонической системе, подвергаемой регулярной ревизии.

Значительная доля коллективных действий, публикаций и лекций буддистов посвящена описанию нормативных стандартов буддизма. Закрепление и соблюдение таких стандартов для буддийских сообществ является важнейшим направлением деятельности. Социальные границы воспроизводятся через причисление и членство в сообществе. Вступление в буддийскую общину традиционно сопровождается ритуалом принятия Прибежища в Будде, Дхарме и Сангхе, а также принятием обетов личного освобождения. Обеты мирянина/мирянки, послушника/послушницы (неполного монаха/неполной монахини), монаха/монахини определяют предписания к приемлемому поведению индивидов, занимающих эти позиции. В махаянской общине также принимаются обеты бодхисаттвы, а в тантрической – тантры. Кроме того важное значение для включения индивида в общину имеет система учитель-ученик, в ко-

торой именно учитель играет центральную роль в ритуальном и статусном действии.

Для многих современных буддийских общин характерна стратегия снижения требований к периферийным статусам новых членов, к которым не предъявляется вся полнота требований в виде принятия ритуала Прибежища и подобных практик. Вероятнее всего, размытость этих границ обусловлена стремлением повысить адаптивный потенциал и снизить барьеры для рекрутирования новых членов. Кроме того, политико-правовые условия несколько ограничивают возможности буддийских сообществ к закреплению нормативных стандартов.

Важнейшим фактором развития буддийских общин является государственная политика и правовое регулирование религиозной деятельности [3, с. 135]. В XVII–XX вв. буддийские сообщества Бурятии относились к школе тибетского буддизма Гелуг. Они были объединены в единую церковную дацанскую организацию, во главе которой стоял Пандито Хамбо-лама. Она возникает в результате стремления российских властей к созданию автокефальной бурятской буддийской общины, независимой от центров Гелуг в Тибете и Монголии, находившихся в подданстве Цинской империи. В советский период, к концу 1930-х гг. в результате репрессивной политики организованная буддийская конфессия прекратила своё существование, многие монахи были расстреляны, заключены под стражу и отправлены в ссылку. Вместе с тем, неформальные конспиративные сообщества сохранились и продолжали своё существование практически до распада Советского Союза. В 1946 году было создано Центральное духовное управление буддистов СССР и восстановлены два монастыря. К началу перестройки и реформ в сфере свободы совести и вероисповедания происходит сначала постепенное, а позже, после распада СССР и формирования новой политической системы, и резкое изменение государственной политики в области религии. Это привело к довольно быстрому росту числа верующих и религиозных объединений. Государство в своей деятельности руководствуется нормативными правовыми регуляторами, которые зачастую дополняются неформальными практиками, обусловленными политическими интересами. Так, для федеральных и региональных политических элит важна опора на «традиционные религии» и их легитимизирующий потенциал.

Политико-правовое воздействие определяет организационную форму религиозных объединений, в результате чего происходит их унификация и «в единой форме религиозных организаций создаются образования, имеющие с цивилистических позиций принципиальные различия во внутреннем устройстве, принципах управления и пр.» [14, с. 35].

По данным Федеральной службы государственной статистики на территории РФ на апрель 2016 года было зарегистрировано 252 буддийские религиозные организации [16]. Следует отметить, что государственная статистика не дифференцирует буддийские религиозные организации, ориентированные на разные направления и школы, все они включены в общую категорию «буддизм», в отличие, например, от более чёткого разграничения христианских церквей и деноминаций.

На территории Бурятии по данным Управления Минюста России по РБ на апрель 2016 года зарегистрировано 68 буддийских религиозных организаций (см. таблицу 1).

В Бурятии действуют общины, входящие в состав восьми централизованных буддийских религиозных организаций, зарегистрированных Центральным аппаратом Минюста РФ и включающих местные религиозные организации, действующие в двух и более регионах России. Это Буддийская традиционная сангха России (БТСР), Центральное духовное управление буддистов России (ЦДУБ), Духовное управление

Таблица 1. Число буддийских религиозных организаций на территории Республики Бурятия

Год	Всего зарегистрировано религиозных объединений	В том числе по видам		
		Централизованных религиозных организаций	Приходов и общин	Духовных образовательных учреждений
1995	26		26	1
1997	28		28	1
2003	41	2	38	1
2011	57	2	52	2
2014	67	2	64	1
2016	68	2	66	1

Источник: [10; 11; 12].

буддистов России (ДУБ), Дже Цонкапа, Российская Ассоциация Буддистов Алмазного Пути Традиции Карма Кагью. Кроме того две централизованные буддийские религиозные организации зарегистрированы Управлением Минюста РФ по Республике Бурятия – это Объединение буддистов Бурятии (входит в состав ЦДУБ) и «Майдар». Ряд буддийских общин не входят в состав централизованных организаций Ацагатский дацан, буддийская община «Мандала», буддийский центр «Шакьямуни Зандан Жуу» и др. На территории Бурятии действует Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева, который, так же как и Агинская Буддийская академия, является учреждением профессионального религиозного образования Буддийской традиционной сангхи России. В течение некоторого времени функционировала Буддийская академия, созданная региональной централизованной религиозной организацией «Майдар».

Основной формой исторического развития буддийских сообществ являются школы и направления, для которых большое значение имеют признаваемые линии передачи учения, авторитетные учителя, религиозные духовные практики и тексты. Большинство буддийских сообществ Бурятии относятся к направлению тибетского буддизма Гелуг, так же, как общины Тувы, Калмыкии и значительная доля сообществ в других регионах. Также действуют две Дзогчен-общины (местная религиозная организация – Буддийская Дзогчен Община традиции Ньингмапа «Палбарлинг» и Улан-Удэнская местная буддийская религиозная организация Дзогчен община «Кундроллинг»). Дзогчен-община была основана Чогьялом Намкаем Норбу в Италии во второй половине 60-х и распространена в разных странах мира. В настоящее время члены Дзогчен-общины живут в более чем 40 странах [5]. «Буддийский центр алмазного пути школы Карма Кагью» зарегистрирован в Улан-Удэ с 1995 года, входит в Централизованную религиозную организацию Российская Ассоциация Буддистов Алмазного Пути Традиции Карма Кагью. Это сообщество основал лама датского происхождения Оле Нидал. Ассоциация насчитывает более 80 общин во всех регионах России, она объединяет по духовным руководством 17 Кармапы Тринлей Тхае Дордже несколько тысяч последователей тибетской традиции буддизма Ваджраяны (Алмазного пути), распространившейся в наши дни по всему миру [13].

Традиционно для бурятского буддизма была характерна дацанская монастырская организация, наряду с которой существовали внемонастырские йогические отшельнические сообщества, группы т.н. «степных» и «бродячих» лам и приходские общины мирян.

Дацаны воспроизводят традиционные церковные институты должностной иерархии, управления, образования и религиозной практики в форме монастыря, который конституировался на основе монашеской общины. Большинство современных дацанов Бурятии входят в состав Буддийской традиционной сангхи России, три находятся в составе ЦРО «Майдар» и несколько сохраняют автономный статус. Первые буддийские монастыри в Бурятии появляются после 30-х годов XVII века. До этого времени существовали единичные княжеские молельни и родовые общественные сумэ в войлочных юртах, «которые ещё не были объединены в единую систему церковной организации ламаистов Забайкалья» [6, с. 18]. Социальная организация буддийских монастырей ориентировалась на социокультурные образцы Гелуг, выработанные в Тибете, Монголии и Бурятии. Дацаны-монастыри выступали центрами духовной жизни, образования, культуры и экономики. Ядром этой организации выступали иерархии должностей в системе церковного и монастырского управления, образовательных степеней и дисциплинарных обетов-статусов. Положения Винаи, предписывающие стандарты поведения различных категорий буддийского духовенства и мирян, а также обеты бодхисаттвы и тантры в совокупности фиксируют этические нормативные дисциплинарные предписания. Обеты Пратимокши включают восемь категорий от монаха/монахини до мирянина/мирянки. Эти обеты выполняют функцию не только индивидуальных нравственных дисциплинарных обязательств, но и закрепляют права на замещение позиций в системе управления и образования.

Образовательная стратификация играет важную роль в построении монастырских сообществ, часто в литературе используется термин «монастыри-университеты», что призвано подчеркнуть центральную роль образовательной системы в функционировании тибето-монгольской формы буддизма. Вступление индивида в монастырь предполагает прохождение нескольких ступеней образования, которое может длиться до 20 лет и больше. Прохождение этих ступеней и получение учёных степеней открывали доступ к замещению более высоких статусов в административной, ритуальной и образовательной системах. В образовательной номенклатуре тибетского буддизма насчитывается до 40 степеней, в зависимости от специализации, уровня, монастырских и региональных особенностей.

В России сейчас действует два буддийских духовных образовательных учреждения – Буддийский университет имени Д.-Д. Заяева в Иволгинском дацане и Буддийская академия в Агинском дацане. Кроме того, около шестидесяти человек обучаются в Индии и Монголии. В Бурятии сложилась особая социальная группа хувараков-учащихся, занимающая сходный со студенчеством переходный статус, основным видом деятельности для которого выступает получение образования. Эта группа является важным компонентом системы социализации и воспроизводства буддийских монастырских сообществ.

Должностная иерархия в крупных дацанах, таких как Иволгинский, Улан-Удэнский и Агинский, воспроизводит институционализованные образцы, что обусловлено стремлением к возрождению традиционных институтов и потребностями в выполнении функций административного, ритуального, дисциплинарного и образовательного характера. В большинстве дацанов и дуганов число должностных позиций существенно меньше. Ключевую позицию в них занимают ширээтэ-

ламы (престольные монахи), которые выполняют административные и ритуальные функции главы общины. Они представляют свои общины во взаимодействии с руководством БТСР и других буддийских общин, государственными и муниципальными властями, общественными организациями. Буддийская традиционная сангха России возглавляется Пандито Хамбо-ламой, заместителями которого являются три Дид-хамбо по Бурятии, Иркутской области и Забайкальскому краю.

Как отмечает С.П. Несеркин, современные монастыри Бурятии изменили свои функции, «они перестали быть местом уединения монахов, в основном в них проводятся хуралы и требы по заказам населения, что ведёт к росту числа дуганов, которые для удобства прихожан строятся в черте населённых пунктов» [7, с. 148].

Другой тип буддийских общин, также воспроизводящих традиционные институты, но не в монастырской форме, часто называют дуганами. Дуган в тибетском, монгольском и бурятском языках – это молитвенный зал или отдельный храм в монастыре. Большинство общин, ориентированных на воспроизводство традиционных институтов, в г. Улан-Удэ и ряде других крупных населённых пунктов функционирует в виде дуганов, они регистрируются как местные религиозные организации и имеют штат лам, хотя «дацан» в официальном наименовании содержится у четырёх организаций (Мамба-Дацан «Дэсрид Санжай Жамцо», «Мамба-Дацан» в пос. Зелёный, Буддийский дацан «Центр практики трёх драгоценных качеств» (Лабсум Норбу дацан), Улан-Удэнский дацан «Уржэн Дэченлинг»).

В Бурятии также действуют ламы, не входящие в общины. Они, как правило, проживают в черте населённых пунктов, занимаются индивидуальной практикой, ведут приём верующих, исполняют по их просьбам ритуалы. Примечательно, что некоторые из них ориентированы не только на Гелуг, но и на тибетские школы Ньигма и Дрикунг Кагью. Несколько человек, обучавшихся в Таиланде и Бирме, ориентируются на Тхераваду.

Таким образом, в современной Бурятии сформировалось два типа сообществ профессиональных буддийских священнослужителей. Буддийские священнослужители профессионально заняты в сфере отправления буддийского культа, специальной религиозной подготовки (образования), управления буддийскими религиозными организациями, имеют квалификацию «лама», приняли обеты религиозной дисциплины генина, гецула, гелонга, входят в состав буддийских религиозных объединений и обладают признанием со стороны других буддийских священнослужителей и мирян. При этом в данную группу нами включается группа хуvaraков, лиц, получающих специальное религиозное буддийское образование, на основании того, что они отвечают всем критериям, определяемым для группы «ламы», хотя и не имеют соответствующих им квалификации и статуса [2, с. 126].

Кроме сообществ профессиональных священнослужителей, в Бурятии сформировалось два типа религиозных сообществ буддистов-мирян. Первый из них охватывает локальные группы прихожан буддийских дацанов-монастырей этнической Бурятии. Эти группы складываются в рамках территориальной «приходской» организации современных буддийских монастырей, воспроизводящей с определёнными изменениями сложившуюся к началу XX века систему. Дацаны в Бурятии традиционно основывались на приходской системе, построенной на территориально-родовом принципе и интеграции с системой местного самоуправления. В настоящее время система приходов характерна для построения дацанских буддийских сообществ преимущественно в сельской местности. Для Буддийской традиционной сангхи России связь монастырей и

приходов стала одной из центральных идей «возрождения» буддизма. Выстраивание территориальной сети приходов ориентировано на территории исторических приходов дацанов и территориально-родовых групп бурят с учётом современного административного деления региона. Для них характерно отсутствие индивидуального формального членства, индивиды в них входят на условиях коллективного аскриптивного территориального и родового членства.

В другом типе сообществ представлены общины буддистов-мирян, организованные вокруг конкретных лидеров и учителей. Объединения буддистов-мирян возникли в начале 1990-х гг. Часто такие общины называют Дхарма-центрами, вслед за общинами, которые возникли в XX веке в период распространения буддизма в странах Запада. Деятельность в центрах включает лекции, ретриты, беседы с учителями и их учениками, медитационные занятия; под руководством учителей изучаются и переводятся религиозные и философские тексты, организуются занятия по обучению тибетскому буддийскому искусству и языку. Одним из главных направлений крупных центров является издательская деятельность [1, с. 31]. Для этих групп характерно индивидуальное членство, и, хотя локальные группы и организации формируются на территориальной основе, для них в большей степени характерно внелокальное воспроизводство.

Для выявления особенностей функционирования социальной структуры буддийских сообществ был проведён анкетный опрос 880 респондентов. Выборка многоступенчатая, районированная, с квотным отбором на последней ступени. Было опрошено три группы респондентов. В первую вошли 143 человека, профессионально занятые в сфере буддийской религиозной деятельности, занимающие позиции «лама» и «хувараку» в 26 буддийских местных религиозных организациях девяти административно-территориальных образованиях Бурятии и Забайкальского края. Отбор организаций был предпринят по типу организации (дацан/дуган/университет) и поселенческому критерию (городской/сельский). Сбор данных производился в июне 2015 г. – июне 2016 г. Вторая группа респондентов, с условным наименованием «прихожане», охватывает 398 прихожан буддийских монастырей и дуганов. Опрос данной группы производился в пяти населённых пунктах при проведении религиозных мероприятий в июне-сентябре 2015 года. Третья группа опрошенных («миряне») составила 290 человек и включает членов сообществ учеников геше Джампа Тинлея и Еше Лодой Ринпоче. Опрос проводился в период всероссийского ретрита в с. Заречном Кабанского района Республики Бурятия в июле 2015 года и в июле-августе 2016 г. в МБРО «Дацан Ринпоче Багша», г. Улан-Удэ.

Этносоциальная структура выступает одним из наиболее существенных факторов развития буддийских сообществ (см. таблицу 2).

Можно констатировать практически полную моноэтничность прихожан, 94% которых составили буряты, тогда как среди мирян их оказалось 33,8%. Большинство священнослужителей являются бурятами, исключения имеют единичный характер, причём, насколько нам известно, ламы-небуряты не являются уроженцами Бурятии. Такая моноэтничность является отражением исторически сложившихся традиций воспроизводства буддийского духовенства в Бурятии. Среди представителей других этнических групп особое место занимают тибетцы, в силу сравнительно высокого уровня буддийского образования, высоких степеней духовного посвящения и занимаемого положения в должностной структуре [4, с. 64–79.].

Социально-демографические факторы оказывают существенное воздействие на развитие буддийских сообществ.

**Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Укажите, пожалуйста, Вашу национальность»**

Этническая Принадлежность	Ламы %	Прихожане %	Миряне %
бурят	86,0	94,0	33,8
русский	4,9	2,5	35,2
калмык	2,8	0,8	21,4
тувинец	2,8	-	5,2
другая	3,5	3,5	4,4

Источник: составлено автором.

**Таблица 3. Распределение ответов на вопрос:
«Укажите, пожалуйста, свой пол»**

Пол	Ламы %	Прихожане %	Миряне %
Мужской	98,6	44,2	37,0
Женский	1,4	55,3	62,1

Источник: составлено автором.

**Таблица 4. Распределение ответов на вопрос:
«Укажите, пожалуйста, свой возраст в одной из перечисленных групп»**

Возраст	Ламы %	Прихожане %	Миряне %
до 21 года	28,0	14,8	5,1
22-35 лет	39,2	27,1	35,4
36-45 лет	23,8	26,9	16,4
46-55 лет	7,0	18,8	18,0
56-65 лет	2,1	10,6	12,2
Старше 65 лет	-	1,5	12,2

Источник: составлено автором.

**Таблица 5. Распределение ответов на вопрос:
«Выберите, пожалуйста, тип населённого пункта, в котором Вы родились»**

Тип населённого пункта	Ламы %	Прихожане %	Миряне %
город или пгт	32,9	31,2	57,9
сельский населённый пункт	64,3	68,1	39,9
нет ответа	2,8	0,8	2,3

Источник: составлено автором.

Сведения о развитии буддизма в Бурятии в XVII–XX вв. позволяют сделать вывод о том, что монастырские буддийские общины формировались исключительно из мужчин. В постсоветский период женщины Бурятии всё активнее включаются в процессы религиозного возрождения. Одним из проявлений этого стало формирование общности буддийских религиозных активисток. Эта социально неоднородная общность формируется на основе единства религиозных убеждений и приверженности буддийской религии. В неё включены в качестве ядра вовлечённые практикующие женщины – монахини и мирянки. Большая же часть женщин-буддисток частично вовлечена в буддийские сообщества и обладает сравнительно низким объёмом религиозных знаний. Среди священнослужителей доля женщин крайне мала и составляет около одного процента.

Следует отметить различия по двум возрастным категориям групп прихожан и мирян (*см. таблицу 4*).

Более низкая доля респондентов до 21 года и более высокая доля категории 22–35 лет среди мирян обусловлена, на наш взгляд, особенностями формирования мирских буддийских сообществ, для которых имеет преобладающее значение индивидуальное достижительное членство, при котором религиозный выбор не ограничивается традиционными аскриптивными практиками религиозности и проявляется в духовном поиске. Низкая доля респондентов старших возрастов среди прихожан требует уточнения, поскольку она может быть связана со сравнительно низкой религиозностью людей, получивших советское воспитание.

Развитие социально-территориальной структуры населения в Бурятии происходит под воздействием целого ряда разнонаправленных процессов, определяющим среди которых выступает кризисное состояние социально-экономической системы как российского общества в целом, так и региональной системы Бурятии. Городское население, в целом, в большей степени склонно к более широкому участию в мирских буддийских сообществах. Сельские жители интегрированы в реконструируемые институты дацанских приходских сообществ. Примечательно, что «именно село продолжает оставаться местом сохранения традиционной культуры бурятского народа» [15, с. 174].

Показательно распределение опрошенных по типу населённого пункта, в котором они были рождены (*см. таблицу 5*).

Большинство мирян родились в городах и населённых пунктах городского типа, в то время как ламы и прихожане являются преимущественно уроженцами сельской местности. На момент проведения опроса в сёлах проживало 52,1 % лам и хуvaraков (включая проживающих в дацанах); 49,1 % респондентов-прихожан и 6,1% мирян. Примечательно, что около 19% опрошенных прихожан являются мигрантами в города. Среди мирян это характерно для сообщества учеников геше Джампа Тинлея, где довольно большую группу составили уроженцы не только Улан-Удэ, но и других крупных городов, включая Москву, Санкт-Петербург и другие. Среди прихожан таковых оказалось значительно меньше, и они были сконцентрированы только в Иволгинском дацане. Можно предположить, что на выбор типа религиозного сообщества существенно воздействует место рождения и ранней социализации индивида, в ходе которой он осваивает, в том числе и религиозные статусы и роли.

Таким образом, можно сделать несколько выводов об особенностях интеграции буддийских сообществ профессиональных священнослужителей, прихожан и мирян. Для них характерны отличия структуры, социального состава и религиозных практик, на основе чего формируются различия в системе представлений их членов.

Литература

1. Аюшеева Д.В. Современный тибетский буддизм на Западе. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 124 с.
2. Бадмацыренов Т.Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2012. 146 с.
3. Бадмацыренов Т.Б., Бадмацыренова Е.Л. Буддизм, государство и право в России: развитие современной модели государственно-конфессиональных отношений // Вестник, экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 135–139.
4. Гарри И.Р. Тибетский буддизм и тибетская община в религиозной культуре бурят // Этнографическое обозрение. 2014. № 6. С. 64–79.
5. Дзогчен-община [Электронный ресурс]. URL: <http://kunsangar.org/ru/community/> (дата обращения: 16.04.2017 г.).
6. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 234 с.
7. Нестеркин С.П. О церковной иерархии центральноазиатского буддизма // Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии: матер. междунаrod. науч. конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 145–148.
8. Нестеркин С.П. Социальная организация буддийского сообщества Центрально-Азиатского буддизма: формирование традиционной модели и ее современная трансформация // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2006. № 11. С. 338–342.
9. Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук. Ч. 1. Общая теория действия. Некоторые основные категории теории действия // О структуре социального действия. М.: Академия, 2000. С. 181–198.
10. Республика Бурятия – 75 лет. Статистический сборник. Юбилейный выпуск. Улан-Удэ: Комгосстат Республики Бурятия, 1998. 320 с.
11. Республика Бурятия – 80 лет. Статистический сборник. Юбилейный выпуск. Улан-Удэ: Комгосстат Республики Бурятия, 2003. 340 с.
12. Религиозные организации Бурятии: словарь-справочник. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. 240 с.
13. Российская Ассоциация Буддизм Алмазного Пути. Традиция Карма Кагью [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buddhism.ru/o-nas/almaznyi-put-v-rossii/> (дата обращения: 16.04.2017 г.).
14. Сойфер Т.В. К вопросу о правовом статусе некоммерческих организаций // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 27–35.
15. Социологический анализ трансграничных обществ Байкальского региона: динамика, проблемы, перспективы. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 245 с.
16. Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2016 г. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения: 16.04.2017 г.).
17. Shils E., Centre and periphery // The Logic of Personal Knowledge: Essays in Macro-Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975. Pp. 3–16.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ayusheeva D.V. Sovremennyj tibetskij buddizm na Zapade. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2003. 124 s.
2. Badmatsyrenov T.B. Buddijskoe dukhovenstvo kak spetsificheskaya sotsial'no-professional'naya gruppa (na materialakh Respubliki Buryatiya). Ulan-Udeh: Izd-vo Buryatskogo gosun-ta, 2012. 146 s.

3. Badmatsyrenov T.B., Badmatsyrenova E.L. Buddizm, gosudarstvo i pravo v Rossii: razvitie sovremennoj modeli gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenij // Vestnik, ehkonomiki, prava i sotsiologii. 2016. № 4. S. 135–139.
4. Garri I.R. Tibetskij buddizm i tibetskaya obshhina v religioznoj kul'ture buryat // EHTnograficheskoe obozrenie. 2014. № 6. S. 64–79.
5. Dzogchen-obshhina [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://kunsangar.org/ru/community/> (data obrashheniya: 16.04.2017 g.).
6. Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala KHKH vv. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoj sistemy. Novosibirsk: Nauka, 1983. 234 s.
7. Nesterkin S.P. O tserkovnoj ierarkhii tsentral'noaziatskogo buddizma // Buddizm v kontekste istorii, ideologii i kul'tury TSentral'noj i Vostochnoj Azii: mater. mezhdunarod. nauch. konferentsii. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2003. S. 145–148.
8. Nesterkin S.P. Sotsial'naya organizatsiya buddijskogo soobshhestva TSentral'no-Aziatskogo buddizma: formirovanie traditsionnoj modeli i ee sovremennaya transformatsiya // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanij. 2006. № 11. S. 338–342.
9. Parsons T. K obshhej teorii dejstviya. Teoreticheskie osnovaniya sotsial'nykh nauk. CH. 1. Obshhaya teoriya dejstviya. Nekotorye osnovnye kategorii teorii dejstviya // O strukture sotsial'nogo dejstviya. M.: Akademiya, 2000. S. 181–198.
10. Respublika Buryatiya – 75 let. Statisticheskij sbornik. YUbilejnyj vypusk. Ulan-Udeh: Komgosstat Respubliki Buryatiya, 1998. 320 s.
11. Respublika Buryatiya – 80 let. Statisticheskij sbornik. YUbilejnyj vypusk. Ulan-Udeh: Komgosstat Respubliki Buryatiya, 2003. 340 s.
12. Religioznye organizatsii Buryatii: slovar'-spravochnik. Ulan-Udeh: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2011. 240 s.
13. Rossijskaya Assotsiatsiya Buddizm Almaznogo Puti. Traditsiya Karma Kag'yu [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.buddhism.ru/o-nas/almaznyiy-put-v-rossii/> (data obrashheniya: 16.04.2017 g.).
14. Sojfer T.V. K voprosu o pravovom statuse nekommercheskikh organizatsij // ZHurnal rossijskogo prava. 2009. № 1. С. 27–35.
15. Sotsiologicheskij analiz transgranichnykh obshhestv Bajkal'skogo regiona: dinamika, problemy, perspektivy. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2016. 245 s.
16. CHislo religioznykh organizatsij, zaregistrirovannykh v Rossijskoj Federatsii, na 1 yanvarya 2016 g. // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (data obrashheniya: 16.04.2017 g.).
17. Shils E., Centre and periphery // The Logic of Personal Knowledge: Essays in Macro-Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975. Pp. 3–16.